

Глава первая

1

Теперь Мюллер знал лабиринт очень хорошо. Разбирался, где и какие тут бывают западни и опасные иллюзии, переворачивающиеся плиты и смертельные ловушки. Он жил здесь уже девять лет. Достаточно долго для того, чтобы смириться хотя бы с лабиринтом, если не с ситуацией, которая заставила его искать здесь убежище.

Но ходил он по-прежнему осторожно. Ему довелось несколько раз убедиться, что знание лабиринта, которым он обладал, хотя и дает ему безопасность, но не абсолютную. По крайней мере, однажды он был на грани гибели и только благодаря невероятному везению успел вовремя сделать шаг назад, когда энергетический луч вдруг ударил там, где он собирался пройти. Этот, как и другие пятьдесят, он обозначил на своей карте, но, идя по лабиринту, занимающему площадь крупного города, он не мог быть уверен, что не наткнется еще на что-нибудь, прежде ему неизвестное.

Небо темнело: великолепная сочная зелень полудня сменялась черным мраком ночи. Идя на охоту, Мюллер задержался, чтобы взглянуть на созвездия. Даже их он теперь знал превосходно.

В этом вымершем мире он выискивал в небе крупицы света и объединял их в созвездия, которые называл в соответствии со своими отвратительными, горькими мыслями. Так появились Кинжал, Задница, Древяно, Обезьяна, Жаба. На лбу Обезьяны мерцала крохотная, слабенькая звездочка, которую он считал Солнцем. Он не был в этом уверен, потому что блоки с картами он уничтожил сразу же после посадки, но чувствовал, что эта маленькая огненная пылинка — Солнце. Эта же слабая звездочка соответствовала левому глазу Жабы. Порой Мюллер говорил себе, что Солнце нельзя увидеть на небосклоне планеты, отдаленной от Земли на девяносто световых лет, но бывали минуты, когда он нисколько не сомневался, что видит именно его. Чуть дальше Жабы лежало созвездие, которое он назвал Весы, подразумевая настольные. Чаши этих весов, конечно же, были сильно неуравновешенны.

У этой планеты были три небольшие луны. Воздух здесь, хотя и разреженный, годился для дыхания, и Мюллер уже давно перестал замечать, что вдыхает слишком много азота и слишком мало кислорода. Немного не хватало двуокиси углерода, и от этого он почти не зевал. Но это его, однако, мало печалило. Крепко держа карабин за приклад, он неторопливо шел по чужому городу в поисках ужина. Это тоже относилось к выработавшемуся образу жизни. У него были запасы пищи на шесть месяцев в специальном ионизирующем хранилище, расположенном в полукилометре от его теперешнего местопребывания, но, предпочитая беречь их, он каждый вечер отправлялся за

добычей. Таким образом он убивал время, а запасы он хотел сохранить в предвидении того дня, когда лабиринт, может быть, покалечит или парализует его. Он быстро обегал глазами резко загибающиеся улицы. Вокруг поднимались стены, темнели укрытия, ждали ловушки и каверзы лабиринта. Он глубоко дышал. Осторожно поднимал одну ногу, потом ставил ее очень крепко и лишь тогда поднимал другую, оглядываясь вокруг. Свет трех спутников смещался и изменял его тень, раскраивая ее на более мелкие двойные тени, пляшущие и извивающиеся перед ним.

Он услышал писклявый сигнал детектора массы у левого уха. Это означало, что где-то неподалеку зверь весом от пятидесяти до ста килограммов. Он настроил детектор на три уровня, причем второй соответствовал животным средней величины, которыми он мог питаться. Кроме того, детектор сигнализировал о приближении твари от десяти до двадцати килограммов весом и улавливал эманации созданий весом более пятисот килограммов. Маленькие зверушки Мюллера не интересовали, так как могли очень быстро прыгать и ловко взбираться на вертикальные стены, больших же он вынужден был опасаться сам, ибо им ничего не стоило его растоптать, даже не заметив этого. Избегая тех и других, Мюллер охотился на зверей средней величины.

Он притаился с оружием наготове. Животные, обитающие на планете Лемнос, позволяли убивать себя без каких-либо выдумок с его стороны. Они сохраняли осторожность относительно друг друга, но за девять лет пребывания здесь Мюллера так

и не поняли, что он тоже хищник. Скорее всего, представители разумной жизни не охотились здесь уже миллионы лет, так что Мюллер без особого труда каждую ночь убивал зверей, и они все еще не поняли, что такое человек. Единственной его заботой на охоте было подыскать безопасное и укрытое с боков место, чтобы, сосредоточившись на своей жертве, не оказаться добычей какого-нибудь более грозного создания. Стержнем, прикрепленным к пятке левого ботинка, он проверил, достаточно ли прочная позади него почва. Порядок — плотная. Он отступал назад, пока не коснулся спиной холодной поверхности стены. Потом опустил левым коленом на слегка пружинящий тротуар и приготовил карабин к выстрелу. Он был в безопасности и мог ждать. Так прошли, наверное, минуты три. Писк детектора массы продолжал указывать, что животное не далее ста метров. Потом под влиянием теплоизлучения все ближе подходившего зверя тональность писка стала медленно нарастать. Он знал, что из своей позиции на краю площади, окруженной круглыми скалистыми стенами, может застрелить любую тварь, которая выйдет из-за этих поблескивающих стен в форме полумесяца. Сегодня он охотился в зоне Е лабиринта, или же в пятом секторе, считая от центра, в одном из наиболее коварных. Он редко забредал дальше сравнительно безопасной зоны D, но в этот вечер какая-то дьявольская фантазия привела его именно сюда. С тех пор как он более-менее познакомился с лабиринтом, Мюллер ни разу не отважился снова войти в зоны G и H, а в зоне F был всего лишь два раза. Здесь

же, в зоне Е, он оказывался, наверное, раз пять за год.

Правее от него от скалистой стены отделилась тройная, из-за света трех лун, тень. Писк детектора массы в диапазоне для зверей среднего размера достиг максимума. Тем временем самый маленький из спутников, Антропос, двигавшийся по небу в обратном направлении, изменил очертания теней: контуры разделились, черная полоса пересекла две другие черные полосы. То была тень морды животного, Мюллер это знал. Прошла еще секунда. Он увидел жертву — зверя величиной с крупную собаку, коричневого, с серой мордой, горбатого, уродливого, явно хищника. Первые несколько лет на Лемносе Мюллер не убивал хищных животных, полагая, что их мясо невкусное. Он охотился на местные аналоги овец и коров — ласковых копытных животных, которые бродили по лабиринту, блаженно пощипывая травку в садах. Лишь когда их нежное мясо ему приелось, он убил животное с когтями и клыками, охотившееся на этих вегетарианцев, и, к его изумлению, бифштекс из мяса хищника оказался превосходным. Сейчас он наблюдал, как на площадь выбирается именно такой зверюга. Он видел вытянутую подрагивающую морду, слышал фырканье. Но, скорее всего, запах человека ничего не подсказывал этой твари.

Она самоуверенно, неторопливо направилась через площадь, невтягивающиеся когти клацали по гладкой мостовой. Мюллер приготовился к выстрелу, внимательно целясь то ли в горб, то ли в зад. У него был самонаводящийся карабин, спо-

собный автоматически бить без промаха, но, несмотря на это, человек всегда сам задавал прицел. Он, если можно так сказать, не вполне соглашался со своим карабином, целью которого было убить, только убить, тогда как Мюллера интересовала еда. Проще прицеливаться самому, чем втолковывать карабину, что выстрел в мягкий сочный горб разорвет самое вкусное мясо. Ну раскурочит он горб до самого позвоночника, и что? Мюллер любил охотиться с изяществом.

Он выбрал место на хребте в пятнадцати сантиметрах от горба, там, где позвоночник соединяется с черепом. Выстрелил. Зверь тяжело повалился на бок. Сохраняя осторожность, Мюллер подошел так быстро, как только осмелился. Умело отделив несъедобные части: лапы, голову, брюхо, — он распылил консервирующий лак на мясе, которое вырезал из заговивка. От зада он отделил толстый окорок, после чего прикрепил оба куска ремнями к плечам. Потом повернулся. Он отыскал зигзагообразную дорогу, единственную безопасную, ведущую к центру лабиринта. Через неполный час он уже будет в своем убежище в сердце зоны А.

На середине пути через площадь до него неизвестно откуда донесся незнакомый звук.

Он остановился и обернулся. Три небольшие твари сломя голову мчались к убитому зверю. Но не стук когтей этих падальщиков он только что слышал. Может, лабиринт приготовил ему какую-то новую дьявольскую неожиданность? До него донесся низкий протяжный гул, на который налагалось хриплое пульсирование на средних ча-

стотах, слишком протяжный, чтобы быть воем какого-либо из крупных животных. Никогда раньше он не слышал здесь ничего похожего.

Вот именно, *здесь* не слышал. Он начал перетряхивать ячейки памяти. И через мгновение понял, что звук этот ему отлично знаком. А сдвоенный рокот, постепенно тающий вдаль, — что это может быть?

Он определил направление. Вроде бы звук доносился сверху и из-за правого плеча. Он посмотрел туда и увидел тройной каскад внутренних стен лабиринта, нависающих одна над другой. А выше? Он перевел взгляд на уже полное звездное небо: Обезьяна, Жаба, Весы.

Мюллер вспомнил, что это за звук.

Корабль. Космический корабль, переходящий с искривления пространства на ионную тягу перед посадкой на планету. Гул компрессаторов и рев тормозных двигателей катились над городом-лабиринтом. Он не слышал этих звуков вот уже девять лет, то есть с того момента, как начал жизнь в этом добровольном изгнании. И так, у него посетители. Они случайно нарушили его одиночество или же его выследили? Что им здесь надо? В Мюллере вскипел гнев. Ему вовсе не хотелось видеть людей, и он не стремился к их обществу. Зачем им понадобилось нарушать его покой? Он твердо стоял, широко расставив ноги. И одновременно краешком сознания, как всегда, он следил, нет ли поблизости опасности, даже сейчас, тоскливо глядя в сторону вероятного места посадки звездолета. Он не желал иметь ничего общего ни с Землей, ни с ее обитателями. Нахмурившись, он при-

смотрелся к крохотной искорке света глаза Жабы и лба Обезьяны. «Им до меня не добраться», — решил он.

Они умрут в этом лабиринте, и кости их добавятся к другим костям, вот уже миллионы лет валяющимся здесь по всем проходам.

А если им удастся войти сюда так же, как проделал это он...

Ну, тогда им придется сразиться с ним. Они поймут, как это непросто. Он жестко усмехнулся, поправил висящий на плечах груз и сосредоточил все внимание на обратном пути. Вскоре он был уже в зоне С и в безопасности. Он добрался до своего логова. Уложил на хранение мясо. Приготовил себе ужин. Голова у него разболелась. После девяти лет в этом мире он снова не одинок. В его одиночество вторглись. Он снова ощутил злость. Ведь ему ничего не требовалось, кроме уединения, но и этого Земля не хочет ему дать. Этим людям еще предстоит пожалеть, если они доберутся к нему через лабиринт. Если доберутся.

2

Космический корабль вышел из искривления пространства едва ли не слишком поздно, почти на самой границе атмосферы Лемноса. Чарльз Бордман был этим недоволен. Требуя совершенства во всем от самого себя, он добивался, чтобы и остальные умело управлялись со своими обязанностями. Особенно пилоты.

Ничем не выдав своего недовольства, он активировал экран, и стены кабины украсились жи-

вым изображением планеты внизу. Облака почти не заслоняли ее поверхность. Посреди обширной равнины проступала серия расходящихся кругов, очертания которых различались даже с высоты ста километров. Повернувшись к сидящему в соседнем кресле молодому человеку, он сказал:

— Вот и оно, Нед. Лабиринт Лемноса. И Дик Мюллер в сердце лабиринта.

Нед Раулинс поджал губы.

— Такой большой? Да он, наверное, размером в сотни километров.

— Виден только наружный вал. Лабиринт обнесен кольцеобразной стеной высотой в пять метров. Длина вала по периметру — тысяча километров. Но...

— Да, я знаю, — прервал его Раулинс и тотчас покраснел с той обезоруживающей беззащитностью, которую Бордман считал такой милой и которую намеревался использовать в своих целях. — Прошу прощения, Чарльз. Я не хотел вас перебивать.

— Не страшно! Так о чем ты хотел спросить?

— Вон то темное пятно внутри стен... Это и есть сам город?

Бордман кивнул:

— Центральная часть лабиринта. Двадцать или тридцать километров в диаметре, и лишь Господь ведаёт, сколько миллионов лет назад он был выстроен. Именно там мы отыщем Мюллера.

— Если туда проникнем.

— *Когда* туда проникнем.

— Да, конечно. *Когда* проникнем, — поправился Раулинс и сразу же покраснел. Именно эта

обезоруживающая наивность и нравилась в нем Бордману. — Но разве не может получиться, что нам не удастся в него проникнуть?

— Мюллеру удалось, — заметил Бордман. — Он там.

— Ему первому удалось это. Все остальные не смогли. Так вдруг...

— Пробовали многие, — ответил Бордман. — Но без соответствующего снаряжения. Мы справимся. Должны. Так что не думай об этом, лучше полюбуйся посадкой.

Космический корабль снижался. Слишком быстро, подметил Бордман, ощущая дискомфорт от резкого торможения. Он не любил межзвездные путешествия, и хуже всего были посадки. Но это было необходимым. Нед сидел напрягшись, с горящими от любопытства глазами. «Вне сомнения, у этого мальчишки больше сил, и здоровья, и сообразительности, чем это порой кажется. Многообещающий молодой человек, как сказали бы несколько веков тому назад. Был ли я в молодости таким же?» Однако ему казалось, что он всегда был взрослым — сознательным, рассудительным, уравновешенным. Теперь, после восьмого десятка, когда полжизни уже прожито, он мог оценивать себя объективно и сомневался, что изменился хоть сколько-то со своего двадцатилетия, и характер его остался таким же, как и прежде... Он блестяще овладел искусством управления людьми и теперь стал мудрее, но характер его остался без перемен. А вот Нед будет через шестьдесят лет совершенно иным человеком — немного в нем останется от молокососа, что сидит в соседнем кресле.

Скептический по натуре, Бордман допускал, что именно эта миссия окажется проверкой на прочность и избавит Неда от наивности.

Бордман прикрыл глаза, когда корабль вышел на последний вираж перед посадкой. Сила тяжести навалилась на его старое тело. Ниже, ниже, еще ниже. Сколько посадок на различных планетах он уже совершил, и всегда им владело это неприятное чувство. Работа дипломата заставляла постоянно перемещаться с места на место. Рождество на Марсе, Пасха на одном из миров Центавра, Зимнепраздник на одной из вонючих планет Ригеля, а теперь это задание — самое сложное из всех. «Человек ведь создан не для того, чтобы мотаться от одной звезды к звезде, — думал Бордман. — Я потерял уже ощущение огромности космоса. Говорят, мы живем в великую эру расцвета человечества, но мне кажется, что человек более счастлив, когда изучает песок на каком-нибудь острове среди голубого моря, чем скитаясь между мирами.

Он сознавал, что под влиянием притяжения планеты Лемнос, на которую корабль так быстро спускался, лицо его исказилось. Мясистые щеки обвисли, не говоря уже о складках жира на животе, ведь он был полным человеком. Без особых усилий он мог бы привести свой внешний вид в соответствие с модными формами молодого современного человека; в эту эпоху люди за сотню вполне могли выглядеть как подростки. Но Бордман в начале своей карьеры сознательно позволил себе стареть. Это было своего рода инвестицией: теряя в шике, он выигрывал в авторитете. Его биз-

несом было консультировать правительственных чиновников, а те предпочитали советы солидных мужчин, а не желторотых юнцов. Последние сорок лет Бордман всегда выглядел на пятьдесят пять и надеялся сохранять этот образ уверенного и энергичного зрелого мужчины еще лет пятьдесят. Позже, на закате карьеры, он снова позволит времени поработать над собой. Тогда пусть седеют волосы, западают щеки; он станет делать вид, что ему неизменно восемьдесят лет, и сменит роль Улисса на Нестора. И сейчас у профессионалов принято выглядеть так, будто они лишь слегка не в форме.

Он был низкого роста, но производил столь солидное впечатление, что легко становился центральной фигурой за любым столом переговоров. Его широкие плечи, мощная грудная клетка и длинные руки подошли бы скорее гиганту. Лишь когда он вставал, обнаруживался его низенький рост, но сидя он мог внушать страх. Он не раз убеждался в полезности этого своего недостатка, поэтому никогда не пытался его исправить. Человеку более высокого роста скорее присуще отдавать приказы, а не советы, он же никогда не любил командовать, предпочитая осуществлять власть более деликатными способами. Тогда как невысокий мужчина, солидно выглядящий за столом, вполне способен править империями. Империями управляют, как правило, не вставая.

Вид у него был вполне властный. Пухлый, но четко очерченный подбородок, крупный, широкий нос, солидный и решительный рот, огромные курчавые брови, волосы черные, густо торчащие

над массивным лбом с мощными надбровными дугами, способным произвести впечатление даже на неандертальца. На пальцах он носил три перстня: в одном гироскоп из платины и два рубиновых с почти бесцветными вкраплениями урана-238. Одевался скромно и традиционно, любил плотные ткани и почти средневековой покррой. В какой-нибудь другой эпохе он мог быть великосветским кардиналом или честолюбивым премьером. Наверняка он стал бы важной персоной в любое время и при любом дворе. Он стал важной персоной и сейчас. Расплатой за это была кутерьма путешествий. Вскоре ему предстоит высадиться еще на одной чужой планете, где воздух пахнет не так и солнце не такого, как на Земле, цвета. Бордман нахмурился. Долго ли они еще будут садиться?

Он посмотрел на Неда Раулинса. Парень двадцати двух — двадцати трех лет, сплошная невинность, хотя достаточно взрослый, чтобы знать о жизни больше, чем он это показывает. Высокий, вполне симпатичный и без помощи пластической хирургии, светлые волосы, голубые глаза, крупные подвижные губы, ослепительно-белые зубы. Нед был сыном покойного теперь теоретика дальней связи, одного из самых близких друзей Ричарда Мюллера. Возможно, это поможет им начать с Мюллером переговоры, весьма сложные и деликатные.

- Чарльз, вам нехорошо? — спросил Раулинс.
- Переживу как-нибудь. Сейчас сядем.
- Посадка кажется такой долгой, правда?
- Осталась всего минута.